

ИЛЛЯ МАШКОВ

Очерк Игоря Грабаря

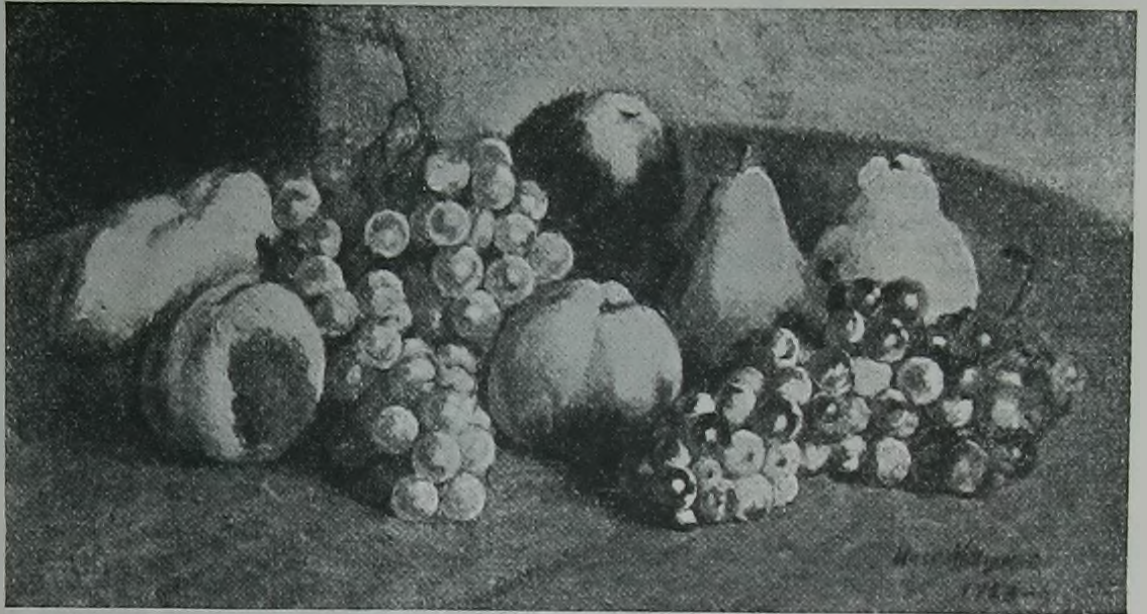
Зимой 1914—15 гг. в Деловом Дворе в Москве — нынешнем здании ВСНХ — была организована выставка «Художники — товарщам-воинам». На ней была одна вещь, меня прямо очаровавшая: блестяще написанный этюд овощей — тыква, баклажаны, перед — подписанный мало говорившей широкой публике фамилией Машкова, нам, художникам, тогда уже хорошо знакомой. Этюд был написан с таким сверкающим мастерством, что он невольно вызывал в памяти каких-то больших старых мастеров — Рубенса, Иорданса, Снейдерса. Закончив в то время работу по перевеске картин Третьяковской Галереи и увидав, как мало она отражает новейшие течения в живописи, я поставил себе целью во что бы то ни стало пополнить ее образцами новой живописи. Машковский этюд, соединивший в себе в одно и то же время поразительное техническое совершенство и последнее слово живописных исканий тогдашнего дня, казалось бы самой судьбою предназначен для того, чтобы именно с него начать новую веку пополнений Третьяковки. Однако, ни автора не было на выставке, ни заведующий не мог дать сведений о цене данной вещи. Кроме нее я наметил еще один этюд, изображавший цветы, — камелию.

Я отправился на другую выставку, тоже «военную»: тогда все было на полувоенной ноге. Выставка эта помещалась в Камергерском переулке, рядом с Художественным театром, и сбор с нее был предназначен на какие-то военные нужды. В первом же зале я увидел ряд вещей того же Машкова и среди них самого автора, что-то дописывавшего и где-то крившего лаком. Когда я сообщил ему о своем намерении приобрести две его картины в Третьяковскую Галерею и наговорил ему всяких комплиментов о его живописном мастерстве, он прошился, но как-будто не сразу поверил, — до того это казалось ему невероятным.

И действительно, невероятно было, что лучшие наши молодые живописцы, сейчас давно прославленные мастера, абсолютно игнорировались, обходились музеями, которые приобретали большую часть произведений средних и посредственных авторов, имевших лишь то достоинство, что они никого не возмущали и не вызывали скандала.

Глядя на замечательный натюрморт Машкова, я спрашивал себя: куда же пойдет этот человек, уже сейчас владеющий таким исключительным мастерством? Реалист по натуре и своим вкусам, он отдал лишь мимолетную дань тому всеобщему тлготеннию к «левизне» в искусстве, которое было

характерно для 1909—1912 годов. Он не очень «футурил», и все «измы» ему скоро осточертели. Написав этот натюрморт Третьяковской Галереи, он уже почувствовал твердую почву под ногами и пошел шгать в ясно-осознанном направлении. В течение 1915—1917 гг. он продолжает развивать свое мастерство и дает ряд цветовых решений, в которых его живописное неистовство достигает высшей свободы, не переходя в распушенность. Все картины этого периода, некогда бывшие в собрании Исаджанова, принадлежат теперь Третьяков

И. Машков

Фрукты²

ской Галереи. Между тем «болезнь левизны» не только не унималась а, напротив того, все усиливалась, дойдя в первые годы революции до размеров повстине фантастических. Была объявлена беспощадная война «предмету» в искусстве. Искусство должно было стать «беспредметным», самодовлеющим.

Вот тут-то Машков противопоставил свою антитезу, начал серию работ, в которых он восстанавливал право предмета в станковой живописи. В своих пейзажах, портретах и особенно натюрмортах 1922—1924 гг. он как бы возводит предмет в перл создания, ставя его в краю угла своих картин. Этот новый стимул определяет характер последнего периода машковской живописи, архипредметной и архиреалистической. Его замечательные композиции из овощей и фруктов, энергично написанная мясная туша, сильно трактованные пейзажи, портреты и группы купающихся и купающихся на Крымском побережье принадлежат к числу лучших живописных работ нашего времени. Не навесные никакими течениями, идущими с Запада, они являются глубоко самостоятельным и индивидуальным толкованием природы, виденной сквозь исключительно живописный темперамент.

Трудно предугадать дальнейший путь развития этого искусства, но думается, что он будет продиктован теми сложными тематическими замыслами, с которыми Машков пошится в последнее время. В связи с ними его натюрморты также примут какие-то новые формы и вероятно более грандиозные размеры.

И ни слова не сказал о педагогической деятельности Машкова; между тем, вот уже 10 лет, как он непрерывно профессорствует во Вхутемасе — ныне Вхутешне, — выпустив свыше сотни учеников. Если прибавить к ним тех, кто учился у него в его частной мастерской до революции, то их наберется много сотен. Машковская «школа» чувствуется в работах целого ряда художников, давно уже выставляющих на московских выставках.

ОТ РЕДАКЦИИ:

не принятые рукописи не возвращаются.
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ленинград, 2, Фонтанка, 57.

И Машков

„Краскомы на пляже“